

76 ДЕК 1980

года

◆ РЯДОМ С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

«Мечтаю о современной пьесе...»

Корреспонденту газеты «Вечерний Свердловск» довелось недавно принимать участие в беседе с народным артистом РСФСР, лауреатом Государственной премии РСФСР **Л. С. Броневым**. Предлагаем вниманию читателей запись этой беседы, которую Леонид Сергеевич начал так:

— Я полжизни провел на периферии. Работал в театрах Магнитогорска, Оренбурга, Воронежа и других городов. Многим обязан периферийным режиссерам, например, известному мастеру сцены Фирсу Ефимовичу Шишигину. Должен сказать, что пройденная мною школа имела немало плюсов. Например, она сделала меня весьма тренированным, и пять-шесть премьер за сезон в столичном театре не казались мне затем столь большой нагрузкой, как некоторым моим коллегам, — ведь я привык и к десятку премьер за сезон. Сейчас в моем послужном списке около ста сорока ролей, и большинство их я сыграл на периферии. В том числе дважды создавал образ Владимира Ильича Ленина.

Но в работе там был и свой минус — может быть, он как раз и попадает под термин «провинциальность». Во всяком случае, только спустя тридцать лет после первого своего выхода на сцену, я научился одной интересной и простой вещи: раньше думал, что надо всегда играть как можно ярче, ничем себя не сдерживая. Но, оказывается, иногда нужно как раз умерить свою яркость во имя общего звучания спектакля.

— Вы работали в Москве с разными известными режиссерами. Каков ваш взгляд на взаимоотношения актера и постановщика спектакля?

— Задан принципиально важный для меня вопрос. Сложилось разные типы взаимоотношений режиссера с актерами, и наиболее уязвимым мне представляется тип режиссера-«диктатора» — человека, который считает, что он и только он создает спектакль. Сразу оговорюсь, что в принципе такая позиция не исключена и может быть плодотворна, но при одном непременном условии: когда сам режиссер представляет собою личность необычайно богатую духовно, обладающую громадными знаниями и высочайшей культурой, то есть когда авторитет режиссера не насаждается, а прочно базируется на самом масштабе личности. Если же подобного не происходит, то от «диктата» неизмеримо больше вреда, чем пользы: актеры, сотрудничающие с таким режиссером, теряют инициативу, творческий стимул для самостоятельных поисков, превращаются чуть ли не в марионеток. Да и в конце концов попросту становятся лентяями. Действительно, зачем думать над ролью, что-то предлагать, если режиссер за тебя все делает сам.

Сейчас часто говорят о снижении уровня актерского мастерства, называют при этом множество причин, напирая на то, что актер разбрасывается, «изменяет» родному театру с кино, телевидением. А мне кажется, что большую роль играет и упомянутый диктат режиссуры. Во всяком случае, я — за сотворчество постановщика с артистом.

Полностью относится это и к кино. Приятно, когда попадаешь к такому режиссеру, как Татьяна Лиознова, с которой я работал над фильмом «Семнадцать мгновений весны». Хотя у нее все было продумано заранее, чуть ли не за два года до начала съемок, — все равно с ней я чувствовал себя сотворцом. Когда предлагал свое решение — всегда звучала фраза: «Хорошо, давайте проверим, сравним, что лучше...».

— Раз уж зашла речь о столь популярном фильме, трудно удержаться от вопроса: а как вы переносите бремя собственной в нем популярности?

— О! Мюллер — это мой крест... А с крестом что подлаешь? Его остается только нести. Вот недавно сажусь в такси, и шофер, подмигнув, приветствует меня: «Гутен таг!» — мол, узнал, узнал... Много здоровья и нервов подобные вещи стоят, тем более, что происходят буквально на каждом шагу. Но если говорить с профессиональной точки зрения, нельзя не признать, что эта роль была новым этапом в моей биографии (начал сниматься в сорок два года), и я горжусь ею. Ключ к ней, думаю, был подобран правильно. Я все время — при поддержке режиссера — пытался «искать в зле, где оно не злое», следуя древнему закону. От этого образ приобретал глубину, становился в конечном итоге даже более страшным.

— Мы давно не видели вас на экране. Чем это вызвано?

— Разборчивостью. Хочется, чтобы роль непременно была настоящей — вот и приходится отказываться. Но, когда отказываешься, режиссеры обижаются и на следующую картину тебя уже не приглашают.

— А можете ли вы назвать роль, от которой отказались, а потом, по выходе фильма, об этом пожалели?

— Да, вот недавняя телевизионная премьера — «Рафферти». Посмотрел и пожалел, что не взялся за роль, которую играет Джигарханян. Так что актерская разборчивость — палка о двух концах.

— В своем театре на Малой Бронной вы сейчас играете в спектаклях, поставленных по Гоголю, Тургеневу... А что предпочитаете — классику или современность?

— Без всяких оговорок — современность. С огромным удовольствием играл в спектакле «Снятый и назначенный». Помню, на гастролях в Одессе я, «снятый», спустился по ходу представления в зал (так требовала мизансцена), и стал произносить текст, обращая то к одному, то к другому зрителю — мол, вы представляете, что происходит?! Меня сняли... И одна женщина встала, протянула мне гвоздики и чуть не со слезами стала успокаивать: «Не волнуйтесь! Все будет хорошо...». Такие минуты, конечно, дороги...

Вот и я мечтаю об очень хорошей — непременно очень хорошей! — современной пьесе, благодаря которой удалось бы говорить со своими современниками о том, что больше всего волнует...

Запись Н. ЗЕНОВОЙ.